

Н.В. Гришин. Аномалии в электоральном поведении// Экстраординарность, случайность и протест в политике: тематическое и методологическое поле сравнительных исследований. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2011. С.222-226.

Понятие «электоральная аномалия» является одним из самых спорных и, по нашему мнению, сомнительных в электоральных исследованиях.

Очевидно, что появлению этого понятия предшествовало стремление исследователей рационализировать избирательный процесс, выявить закономерности поведения избирателей. Существенные отклонения результатов голосования от выявленных экспертами «стандартов» и «норм» стали объектом для обозначения их термином «электоральной аномалии».

Изначально понятие электоральной аномалии подразумевало гносеологический и онтологический аспекты.

В первом случае речь должна была идти о том, что результаты голосования кажутся необычными и неожиданными для экспертов в силу слабой изученности избирательного процесса. Во втором случае электоральная аномалия подразумевает отклонения электорального поведения от объективных закономерностей.

На самом деле, грань между этими двумя аспектами весьма тонка, поскольку зависит от того, насколько критично самими экспертами осознается ограниченность выявленных закономерностей электорального поведения.

В отечественной политической науке сложилось два основных подхода к использованию термина «электоральная аномалия».

В первом случае это понятие отражает объективно существующие различия электорального поведения населения отдельных территорий (в частности, у А.В. Баранова - «Черноморская политическая аномалия») [1, с. 30].

Во втором случае (к сожалению, этот подход становится преобладающим) понятие «электоральной аномалии» отражает не столько поведение избирателей, сколько фантастичность и недостоверность официальных результатов голосования. В частности, А.В. Кынев использует термин «электоральная аномалия» почти как синоним для обозначения тотальных фальсификаций, в частности, в октябре 2009 г. в Астрахани, в марте 2011 г. в Дагестан, Адыгее, Тамбове, на Чукотке.

По нашему мнению, неудачным является решение использовать устоявшийся термин «электоральных аномалий» (исначально касающийся поведения избирателей) для обозначения фальсификаций. Это чревато не только терминологической путаницей. Это подталкивает исследователей к тому, что бы в любых «отклонениях» электорального поведения искать следы не столько объективных факторов, сколько административного фактора. А тенденция к этому в отечественной политологии присутствует.

В российских электоральных исследованиях понятие «электоральной аномалии» почти сразу оказалось связанным с нарушениями в проведении избирательной кампании, злоупотреблениями административным ресурсом. Таким образом, это особый аспект толкования «электоральной аномалии», при котором речь идет не об электоральном поведении.

На самом деле, после 2007 г. в России отклонения в результатах голосования по территориям чаще всего сигнализируют о злоупотреблении административными ресурсом. Но и в предшествующий период многие эксперты видели в больших отклонениях признаки вмешательства местных властей.

Возражение вызывает методологическая позиция объяснять отклонения электорального поведения на территориях вмешательством местных властей.

В частности, В.С. Тикунов и Д.Б. Орешкина связывают электоральную специфику именно с послушностью населения региональной власти. Они определили, что «политические предпочтения «управляемых» территорий вертятся как флюгер, но всегда показывают туда, куда целит местная власть» [5].

Относительно теории «послушности» электората в национальных республиках можно возразить, приведя в пример Калмыкию. Авторитаризм политической жизни этого региона выражен в не меньшей степени, чем в иных кавказских регионах. Но «электоральная странность» (и послушность электората) здесь не проявляется. Помимо этого, если «электоральная странность» проявляется не на уровне регионов, а на уровне ТИК, то объяснить это действиями региональной власти не так просто. В.С. Тикунов и Д.Б. Орешкина сознательно обращают внимание на то, что зоны «электоральной странности» совпадают с границами регионов, что, якобы, доказывает действия именно региональной власти. Но факты не укладываются в эту схему. «Электоральная странность» наблюдается не только на уровне регионов, но и на более низких уровнях – ТИК и УИК. Например, в рамках Астраханской области только ряд ТИК (прежде всего, Володарский, Красноярский районы) обладают «электоральной странностью». То же и в Волгоградской области в районах, где проживают многочисленные представители казахского этноса. Значит ли это, что эту «электоральную» странность нужно объяснять позицией муниципальных властей?

Таким образом, если и можно говорить об «управляемости электората» на национальных территориях, то эта управляемость связана не только и не столько с позицией региональных властей. Можно так же предположить и о влиянии местных властей (в масштабах ТИК). Но вернее будет предположить зависимость политического выбора этого населения от «социальных сетей», мнения своего сообщества-корпорации, которое, в свою очередь, может испытывать влияние со стороны региональной и местной власти. В позиции В.С. Тикунова и Д.Д. Орешкиной присутствует излишне «инструментарное» объяснение специфики электорального поведения на национальных территориях.

Существуют попытки вычислить конкретную роль административного ресурса в итоговых результатах голосования. Ю.Н. Благовещенский и И.А. Винюков провели анализ результатов выборов 2003 г. по территориям, используя закон Ципфа-Парето, связывающий логарифм числа голосов за участника выборов с логарифмом его места линейной зависимостью. На основании анализа они отнесли среди всех субъектов федерации представителей ЮФО, вошедших в число регионов с самым аномальным голосованием. На втором месте Кабардино-Балкария (рейтинг «аномальности» 52%), четвертое место – Чечня (45,2%), восьмое место – Калмыкия (25,6%). Сами исследователи допускают среди объяснения этой аномальности – наличие «патриархальной системы отношений между гражданами и властью» [2]. Таким образом, эти исследователи не настаивают на том, что выявленные ими отклонения объясняется «вбросом» или «фальсификациями». Ими предложен электоральный индекс регионов «Управляемость» $S(k)$.

Индекс «Склонность к сильной руке» в исследовании Ю.Н. Благовещенского и И.А. Винюкова определяется соотношением голосов за КПРФ, ЛДПР и «Родину» к числу тех, кто проголосовал за «Единую Россию». Минимум этого индекса в России – в Ингушетии и Чечне.

В северокавказских республиках практически все исследователи отмечают активное использование административного ресурса как главную причину «электоральных аномалий».

Отмечая справедливость этих опасений, отметим, что нельзя сводить «отклонения» в электоральном поведении к административному ресурсу и фальсификациям. А именно эту тенденцию отражала точка зрения Б.В. Овчинникова. Еще в 1999 г. именно «отклонения» он предложил считать основным критерием достоверности результатов голосования: «Оценивать достоверность результатов выборов можно и путем их сопоставления с общими для России электоральными закономерностями, отклонения от которых свидетельствуют, как минимум, об активном использовании административных ресурсов» [4, с.231]. «Рейтинг отклонений» был предложен к использованию как «количественный показатель прямых фальсификаций в отдельных регионах».

Безусловно, методологическая позиция Б.В. Овчинникова могла бы быть справедливой только в условиях исключительно высокой степени прогнозируемости поведения избирателей в России, однородности электоральной культуры и жесткой детерминированности поведения избирателей. Практически это не имеет отношения к действительности. Не только в 1999 г., но и на современном этапе было бы слишком самонадеянным ожидать от политических экспертов полного выявления «стандартов» электорального поведения. Собственно, электоральное поведение россиян состоит из бесконечных фактов «отклонений».

Наконец, точке зрения Б.В. Овчинникова можно было бы привести следующее возражение. На всех выборах ярким примером отклонений от «российских стандартов» электорального поведения был не только Северный

Кавказ, но и Москва. Но, разумеется, никто не станет называть причиной «нестандартного» голосования москвичей административный фактор.

Подводя итог сказанному, отметим, что для обозначения недостоверных результатов выборов можно было бы использовать и более адекватный термин, чем «электоральная аномалия». Термин «электоральная аномалия» нужен науке для использования по своему прямому назначению – для изучения поведения избирателей. Административный фактор не должен заслонять для исследователей проблему изучения объективных причин нестандартных случаев голосования.

Современная Россия, как и обычная периферийная страна, характеризуется исключительно острыми электоральными расколами – различием поведения избирателей отдельных территорий. В связи с этим «отклонения» в поведении избирателей являются не аномалией, а нормой, и вполне коррелируются с конкретными характеристиками территорий. В том числе – на Северном Кавказе, где наиболее «аномальными» результатами голосования отличаются три региона, по объективным характеристикам отличающиеся от остальных, – Чечня, Ингушетия и Дагестан.

В связи с этим острые территориальные различия голосования сами по себе «аномальными» не являются.

Использованию понятия «электоральной аномалии» в отечественных исследованиях может предшествовать выявление закономерностей голосования россиян. К сожалению, на сегодняшний момент эта задача далека от своего решения. Не познав в достаточной степени эти закономерности, не сформировав представления о «нормах» электорального поведения, как мы можем говорить об «электоральной аномалии»? Например, мартовские выборы 2011 г. обнаружили огромный рост поддержки КПРФ среди городских избирателей. Можно ли в данном случае говорить об «аномалии»? С точки зрения политологии 1990-х гг. – безусловно. Но, скорее всего, это «аномалия» в гносеологическом смысле – в силу имеющихся у нас недостаточно глубоких знаний о мотивах политического и электорального поведения россиян. Отечественная политическая наука еще предстоит большая работа по решению этих задач.

Библиографический список

1. Баранов А.В. Политические ориентации избирателей Краснодарского края в контексте политической культуры (по материалам парламентских выборов) // // Политэксп: Политическая экспертиза. – СПб., 2006. – Т. 2. – № 2. – С. 25–35.
2. Благовещенский Ю.Н., Винюков И.А. Анализ выборов в Думу-2003 и стратификация избирателей // Интернет-мониторинг выборов 2003-2004 годов в России. М., 2004.
3. Гришин Н.В. Биполярная модель структурирования геоэлекторального пространства России // Власть. – Москва, 2009. - №4. - С.86-90.

4. Овчинников Б.В. Парламентские выборы-1999: статистические аномалии / Регионы России в 1999 году. М.: Гендальф. 2001.

5. Тикунов В.С., Орешкина Д.Б. Управляемая демократия: российский вариант (электронный ресурс) - <http://old.soob.ru/soob/00/00-12-12/12ogl.htm>.